

На правах рукописи

Романова

РОМАНОВА ГАЛИНА БОРИСОВНА

НАРТСКИЙ ЭПОС
И ИСТОРИЯ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

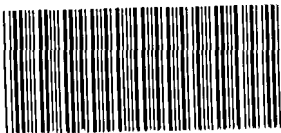
специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

25 июля 2015

005565802

Владикавказ 2015

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова» на кафедре
социально-гуманитарных дисциплин.

Научный руководитель:

Дзидзов Валерий Дударович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова» (Владикавказ).

Официальные оппоненты:

Гутнов Феликс Хазмураевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий сотрудник ФГБН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева» (Владикавказ);

Иванеско Антон Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный Федеральный университет» (Ростов-на-Дону).

Ведущая организация:

ФГБН «Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН» (г. Махачкала).

Защита состоится «21» декабря 2015 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.248.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам в ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова» по адресу: 362025, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46, диссертационный зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru>, и сайте СОГУ им. К.Л. Хетагурова, режим доступа: <http://www.nosu.ru>, «16» октября 2015 г.

Автореферат разослан « 11 » ноября 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

С. Р. Чеджемов

I. Общая характеристика работы

Фольклор любого народа глубоко связан с общественной жизнью, с историей общества. Сказанное, прежде всего, касается героического эпоса, так как больше, чем другой жанр фольклора, он связан с историей создавшего его народа. Поэтому героический эпос привлекает внимание не только фольклористов, но и историков. Фольклор, в отличие от письменных источников, является созданием народных масс и выражает народное мировоззрение, народные оценки лиц и народных героев, не попавших в летописи и исторические хроники.

По этим причинам героический эпос может и должен быть использован как ценный источник дополнительной, а подчас и уникальной (особенно в условиях Кавказа с его традиционализмом и консерватизмом горских обществ, что способствовало сохранению архаики в материальной и духовной культуре) научной информации. Героический эпос любого народа подлежит исследованию в двух основных аспектах: в аспекте мифологическом и в аспекте историческом. Трудность, стоящая перед исследователем, состоит в отделении исторического от мифологического и в обосновании историзма при помощи научной интерпретации тех или иных эпических сюжетов, лиц, событий и нередко даже таких «мелочей», как бытующая в эпосе этнонимика, топонимика, ономастика, отдельные этнографические детали.

В отечественной науке отвергнуты как неоправданная идеализация героического эпоса, так и необоснованный нигилизм, отрицавший историзм эпоса как источника. Но это не означает, что проблема приобщения героического эпоса к кругу исторических источников решена и признана, или с точки зрения научной объективности и методологии безупречна. В условиях многонационального Северного Кавказа героический эпос, как фольклорный памятник мирового значения стал объектом острых дискуссий и в этом практическая, прикладная актуальность рассматриваемой проблемы.

Героический эпос о нартах бытует у осетин, абхазов, адыгов, вайнахов, тюркских народов карачаевцев и балкарцев в их национальных вариантах. Предлагаемая диссертация посвящена некоторым вопросам историзма нартского эпоса осетин.

Актуальность темы. Этим определяется актуальность избранной нами темы, лежащей на стыке истории и фольклористики. Известно, что народы Северного Кавказа в древности и средневековье своей письменной традиции и, соответственно, летописания не имели, история их предков, их боевых и культурных деяний, верований, обычаев передавалась изустно народными сказителями из поколения в поколение. Это память народа о своей истории. Известно также, что кавказские народы отличаются повышенным вниманием и самым живым интересом к своей истории (В.А. Шнирельман даже пишет об огромной роли этнонациональной истории на Северном Кавказе)¹. Это действительно так. Поэтому проблемы своего далекого прошлого на Северном Кавказе воспринимают как необходимое условие этнокультурной самоидентификации. Нартский эпос не может не играть в этом свою роль – он вершина духовной культуры мирового уровня.

Между тем, проблема историзма осетинского нартского эпоса разработана слабо и встречается с недоверием или отрицанием у части кавказоведов. Характерна эволюция взглядов такого выдающегося ученого-осетиноведа, как В.И. Абаев. Об историческом в нартском эпосе осетин он писал что: «В нем отразилась история народа, но история не внешних событий и датированных фактов, а история древнего быта и мировоззрения, народных доблестей и идеалов.... Для суждения об историческом или неисторическом характере тех или иных нартских сюжетов мы не имеем пока никаких проверочных данных.... Нартский эпос не может быть назван эпосом

¹ Шнирельман, В. А. Быть аланами : интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В. А. Шнирельман. – М. : Новое лит. обозрение, 2006. – 690 с.

историческим..., хот он сама жизнь, правдивая, реальная, народная во всех своих проявлениях»².

Противоречивость этих выводов очевидна. Ярko показанная жизнь народа и есть объект истории. Но вскоре появилась новая статья В.И. Абаева, в которой прозвучали более взвешенные идеи: «Ценность нартских сказаний как исторического источника исключительно велика» (там же). А в 1958 г. появилась интересная статья В.И. Абаева о сармато-боспорских отношениях первых веков н.э. в свете данных нартского эпоса осетин³. После этого характерным для этого ученого стало стремление к историзму.

Сходную картину мы видим в трудах другого выдающегося кавказоведа XX в., историка-археолога Е.И. Крупнова. Возражая В.И. Абаеву, он сначала признавал нартский эпос «неисторическим по своей сущности»⁴. Но затем выражал сожаление, что он «по настоящее время еще не считается полноценным историческим источником, хотя он может и должен стать таковым для воссоздания древней истории и культуры определенных народов Кавказа» (там же).

Эволюция противоречивых идей и выводов двух авторитетных ученых кавказоведов XX в. относительно проблемы историзма осетинского нартского эпоса подчеркивает научную актуальность проблемы при ее явно недостаточной (иногда необъективной) проработке. В условиях многонационального Кавказа с его особо предрасположенной к истории ментальностью проблема историзма знаменитого эпоса имеет и прикладное значение. Что мы имеем в виду?

В отечественном нартоведении в настоящее время существует два основных исследовательских направления:

² Абаев, В. И. Нартовский эпос / В. И. Абаев. – Дзуджикау : Сев.-Осет. гос. изд-во, 1945. – 118 с.

³ Абаев, В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний / В. И. Абаев // СА. – 1958. – № 28. – С. 55-61.

⁴ Крупнов, Е. И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа / Е. И. Крупнов // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М. : Изд-во Акад наук СССР, 1953. – С. 151-154.

1) в рамках установившейся на уровне мировой науки академической школы, представленной трудами В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа и других крупных ученых, создавших принятую современную парадигму происхождения и развития национальных героических эпосов;

2) квазинаучное «национал-патриотическое» направление, ориентированное не на приближение к объективной истине, а на создание историко-культурной конструкции для обслуживания чисто политических – идеологических задач современности, своего рода наукообразная «инженерия». Примеры таких работ будут приведены ниже, при рассмотрении историографии. Вышеназванные два направления различаются принципиально.

Отставание позиций первого, академического направления, как подлинно научного, также определяет актуальность диссертации.

Задачи исследования. Основной задачей исследования является подтверждение идей и методов научной академической школы изучения героических эпосов на конкретном материале осетинского эпоса о нартах. Помимо текстов сказаний и анализа некоторых сюжетов, действий героев, предметов материальной и проявлений духовной культуры, эпических этнонимов и топонимов будут рассмотрены возможные и допустимые в качестве гипотезы исторические факты. В ряде случаев будут предприняты попытки датированные факты синхронизировать с их отражением в сказаниях и получить новые данные о времени возникновения – функционирования сказаний.

Кроме того, задачами исследования являются:

1. Обозначение проблемы диахронного развития осетинского нартского эпоса, начиная со скифского рассказа Геродота VI – V вв. до н.э. (Ж. Дюмезиль⁵) до завершающей его стадии в позднем средневековье (святилище Реком не древнее XII в.).

⁵ Дюмезиль, Ж. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – М: Наука, 1976. – 276 с.

2. Обозначение территории формирования и развития осетинского нартского эпоса путем выделения трех последовательных ареалов – степи Северного Причерноморья и Предкавказья, верхнее Прикубанье, горные ущелья Центрального Кавказа.
3. Выделение ареала активного эпосотворчества на Северном Кавказе («Страна Нартов»); подтверждение его обоснования в монографиях В.А. Кузнецова⁶ и Ю.А. Дзицойты⁷.
4. Дополнительное обоснование положения о конвергентном развитии нартского эпоса в ходе ареальных взаимосвязей с соседними этносами (в первую очередь с VI в. с тюрками).

Цель исследования. Практической целью работы является признание героического эпоса в качестве специфического и подлежащего глубокой разработке исторического источника, привлечение серьезного внимания историков Северного Кавказа к использованию этого источника в своих разработках, призыв к полному академическому изданию текстов нартских сказаний.

Объектом исследования является героический эпос осетинского народа о нартах, и вопрос о привлечении в качестве исторического источника.

Предмет исследования – дискуссионная научная проблема историзма нартского эпоса.

Хронологические рамки. Где находятся древнейшие истоки осетинского нартского эпоса – вопрос сложный, обсуждаемый специалистами. Теоретически признано, что в основе формирования героических эпосов лежит архаичная героическая эпика, представленная древнейшими сюжетами о героическом сватовстве, о борьбе с чудовищами, о биографии богатыря и т.д.⁸ Но речь здесь

⁶ Кузнецов, В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа / В. А. Кузнецов. – Орджоникидзе : Ир, 1980. – 136 с.

⁷ Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. /Ю.А. Дзицойты. – Владикавказ : 1993.

⁸ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М, 1963, с. 5-20

может идти только о стадильной архаичности, историческая хронология неопределима.

Формирование так называемого «основного ядра» нартского эпоса некоторые ученые относят к кобанской археологической культуре, бытовавшей в горах и предгорьях Центрального Кавказа в конце II – начале I тыс. до н.э. Е.И. Крупнов указывает более конкретную дату кобанской культуры: XI-VII вв. до н.э.⁹ Датирование ранних пластов нартского эпоса эпохой раннего железа по Е.И. Крупнову нас в целом убеждает. Эта дата имеет контрольную инстанцию в лице небесного кузнеца и бога железоделательного ремесла Курдалагона, а также, в известном «скифском рассказе» Геродота: на землю скифов с неба падает волшебная чаша, в которой Ж. Дюмезиль усматривал предтечу чаши Уацамонга нартского эпоса. Данный явно архаичный сюжет эпоса, следовательно, восходит в скифское время VIII в. до н.э., заметно совпадающее со временем кобанской культуры. Еще один архаичный сюжет со ссылкой на Ж. Дюмезиля рассмотрен С.С. Бессоновой. Нартский герой Батраз близок скифскому Арею (в греческой мифологии бог войны), точнее Батраз – «это мифологическая (героическая) ипостась скифского бога войны».¹⁰

Таким представляется ранний этап формирования «основного ядра» эпоса о нартах. Это время кобанской и позднесарматской археологической культуры – эпоха раннего железа, верхний хронологический рубеж которой условно обозначают концом эпохи «великого переселения народов», т.е. V-VI вв. н.э. В то же время не следует излишне архаизировать этот период в истории эпоса, как это бывает в местных северокавказских изданиях (примеры будут приведены ниже), конкурирующих за максимальную древность. Здесь уместно привести предостережение Е.М. Мелетинского: «Собранный материал пока

⁹ Крупнов, Е. И. Древняя история Северного Кавказа / Е. И. Крупнов. – М., : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 520 с.

¹⁰ Бессонова, С. С. Религиозные представления скифов / С. С. Бессонова. – Киев : Наук. думка, 1983. – 138 с.

совершенно недостаточен для того, чтобы зарождение эпоса о нартах связывать непосредственно с кобанской эпохой»¹¹ (Мелетинский, 1963, с.157).

Основной период оформления и контаминации нартских сказаний в эпос по убедительно обоснованному мнению большинства исследователей – эпоха раннего средневековья, время этнической консолидации, организации племенных союзов и архаических форм государственности. Е.М. Мелетинский подчеркивает, что зарождение нартского эпоса относится к аланской эпохе, в недрах аланского племенного союза I тыс. н.э. в условиях военной демократии. Последняя является позднейшей политической формой первобытной общины в период вызревания раннефеодальных отношений. Именно таким перед нами предстает эпическое нартское общество. Оно – общество воинов – героев, богатырей с их культом силы, бесстрашия, оружия и жадной войн, походов, подвигов и рыцарской славы. Картина, знакомая по многим героическим эпосам народов Евразии. Следует полагать, что во второй половине I тыс. происходил процесс типизации центральных героев и оформление их циклов.

Завершение развития осетинского нартского эпоса происходит с эпохи позднего средневековья, начало которого на Северном Кавказе приходится на XIII-XIV вв. Это этап завершения этногенеза осетинского народа, протекавший в горных ущельях Северной и Южной Осетии. В эпосе он легко узнается по многочисленным упоминаниям боевых и жилых башен, каменных склепов, святилищ, жилищ и т.д. Это огромное историко-археологическое наследие в основном было обследовано археологами В.А. Кузнецовым и В.Х. Тменовым в 70 – 80 годах XX в. и издано В.Х. Тменовым¹². Отдельная монография издана Р.Г. Дзаттиаты¹³.

К данному этапу относится также упоминание в сказании о смерти Батраза святилищ Реком, Мкалгабырта и Таранджелос, образовавшихся из трех

¹¹ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М, 1963, с. 5-20

¹² Тменов, В. Х. Зодчество средневековой Осетии / В. Х. Тменов. – Владикавказ : СОИГИ, 1996. – 440 с.

¹³ Дзаттиаты, Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии / Р. Дзаттиаты. – Владикавказ : Ир, 2002. – 431 с.

слезинок бога. Святилища Мкалгабырта и Таранджелос остаются не исследованными и не опубликованными, поэтому о времени их функционирования можно сказать только то, что они, несомненно, относятся к кругу позднесредневековых архитектурных памятников Осетии, как и перечисленные выше башни, склепы и прочее. Указать более узкую дату сейчас нет возможности.

Иное дело Реком. Это крупнейший памятник деревянного зодчества Северной Осетии и в этом его уникальность. Он находится в глубине Цейского ущелья на поляне «Рекомы фаз». Попытки датировать Реком уже предпринимались неоднократно. Так, А.М. Дирр называл дату «основания» Рекома 1382 г., позаимствовав эту дату из «Терского календаря на 1910 год». Никакой аргументации эта дата не имеет. Е.И. Крупнов считал, что «святилище Реком существовало еще со времени кобанской культуры» I тыс. до н.э.¹⁴, а А.Х. Магомедов относил его ко времени «первоначального появления алан на данной территории»¹⁵. Обе приведенные даты интуитивны и также ничем не обоснованы. В ходе раскопок Е.Г. Пчелиной в 1936 г. на территории Рекома было обнаружено 11300 предметов, но они не определяют дату постройки, ибо это «Мысайнагта» - жертвоприношения мужчин, охотников и воинов Уастырджи – богу мужчин-воинов. Они не определяют время существования святилища.

Новейшее исследование хронологии Рекома было предпринято в 1985 г. В.А. Кузнецовым. Его основой было комплексное использование данных местной гляциологии путем применения метода лихенометрии, разработанного австрийским ученым Р. Бешелем. Метод лихенометрии позволяет датировать гляциальные (ледниковые – Г.Р.) процессы по данным роста наскальных поверхностях лишайников вида *Rhizocarpon geographicum*. По приглашению В.А. Кузнецова исследование скальных поверхностей на поляне «Рекомы фаз»

¹⁴ Крупнов, Е. И. Древняя история Северного Кавказа / Е. И. Крупнов. – М., : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 520 с.

¹⁵ Магомедов А.Х. Реком // Ученые записки Северо-Осетинского гос. Пединститута, т. 28, вып. 2, Орджоникидзе, 1968, с. 380

выполнила специалист из Института географии Ан СССР Н.А. Голодковская. Результат исследования: время дегляциации (отступления ледника – Г.Р.) поляны Рекома – 1127-1164 гг. Следовательно, Реком мог быть построен только после XII в. На основании этих данных святилище Реком В.А. Кузнецов датирует относительно его ранней истории XIV-XV вв.

Итак, хронологические рамки исследования охватывают период от VIII-VII вв. до н.э. до XIV-XVIII вв. н.э. Основной фольклорный материал нартского эпоса, вошедший в работу, относится к дофеодальной («военная демократия») и раннефеодальной эпохам (I – начало II тыс.).

Источники исследования. Таковыми являются изданные тексты осетинских нартских сказаний в переводе на русский язык. В основном это сводный академический текст с выделенными циклами, подготовленный правительственным Нартским комитетом с участием В.И. Абаева, Б.В. Скитского, Л.П. Семенова, С. Бритаева, М. Туганова, А. Хохова. Данный труд был издан в 1948 г. объемом 33 печатных листа. Кроме того, нами использовано издание эпоса, подготовленное Т.А. Хамицаевой в трех частях – сказания на осетинском, перевод на русский и отдельные сказания, в разные годы записанные и опубликованные В.Ф. Миллером, В.И. Абаевым, Г. Шанаевым, Д. Шанаевым и т.д.

Следует отметить, что накопленный материал огромен, число осетинских сказителей велико (фиксировано 232). Безусловно, впереди предстоит огромная исследовательская работа.

Историография проблемы. Проблему историзма осетинского и других национальных вариантов нартского эпоса вряд ли можно считать хорошо изученной. Скорее наоборот. Во многих ее аспектах, начиная с вопроса о генезисе и условиях возникновения «основного ядра», существует много мнений и высказываний противоположных, интуитивных и субъективных, одинаково не причастных к строгому поиску научной истины. Специальные разработки этой проблемы, к сожалению, весьма немногочисленны. Они будут затронуты ниже.

Первым использовать нартские сказания как источник по древней истории осетин попытался В.Б. Пфаф в начале 70-х годов XIX в. Легендарных нартов В.Б. Пфаф отождествлял с воинственным народом мардов, живших в древности у южного берега Каспийского моря и в горах Эльбурса и затем передвинувшихся на Северный Кавказ.¹⁶ В.Б. Пфафу возразил выдающийся ученый конца XIX в. академик В.Ф. Миллер, который предупреждал о недопустимости поспешного использования нартских сказаний для исторических выводов.¹⁷ В.Ф. Миллер фактически положил начало научному изучению нартского эпоса как источника исторической информации. В статье о чертах старины в сказаниях и быте осетин ученый впервые указал явные параллели между бытом и обычаями скифов и алан по Геродоту (V в. до н.э.) и Аммиану Марцеллину (IV в. н.э.) и отражении их в осетинском нартском эпосе. Это обычай скальпирования врагов у скифов и нартов, волшебная чаша Уацамонга у скифов и нартов, гадание на палочках и т.д.¹⁸ В.Ф. Миллер отметил, что нартский эпос «содержит много древнего, некоторые исторические воспоминания и такие черты быта, которые уже отжили свой век» (там же, с.195). Следует отметить, что идеи и выводы В.Ф. Миллера сохраняют свое значение и в наши дни.

В советское время интерес к истории осетинского эпоса, к его исторической информативности неуклонно растет. Прежде всего, отметим имена М.С. Туганова, А.З. Кубалова и М.В. Рклицкого. В 1926 г. была опубликована статья М.С. Туганова,¹⁹ который больше известен как Народный художник Осетии и талантливый автор серии ярких, самобытных картин на сюжеты нартского эпоса. А.З. Кубалов попытался на основе нартских сказаний

¹⁶ Пфаф, В. Б. Материалы для древней истории осетии. // Сборник сведений о кавказских горцах / В. Б. Пфаф. — Тифлис, 1870. — Вып. IV, отд. I. — С. 4-5.

¹⁷ Миллер, В. Ф. Осетинские этюды / В. Ф. Миллер. — М.: Изд. Моск. ун-та, 1881. — Ч. 1. — 170 с.

¹⁸ Миллер, В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин / В. Ф. Миллер // ЖМНП. — 1882. — Ч. 237. — С. 191-207.

¹⁹ Туганов, М. С. Кто такие нарты? / М. С. Туганов // ИОНИИ красведения. — 1926. — № 1. — С. 327-373.

воссоздать историческую картину войны Ирана и Турана, вдохновившую Фирдоуси (XI в.) на создание знаменитой поэмы «Шах-Наме». Сюжеты «Шах-Наме» якобы были перенесены на Северный Кавказ.²⁰ Теория А.З. Кубалова закономерно не получила внимания и поддержки. В публикации М.В. Рклицкого нарты – не народ, а военно-дружинная господствующая верхушка аланского общества. Это, как признание аланского приоритета в создании эпоса о нартах, сделало работу М.В. Рклицкого заметным явлением в историографии интересующей нас проблемы, в 20-х годах XX в.²¹

В те же годы в нартоведении Осетии появилось имя Б.А. Алборова. В ряде его статей был сделан шаг вперед в разработке проблемы историзма эпоса: от общих построений и реконструкций Б.А. Алборов перешел к исторической интерпретации отдельных, конкретных реалий эпоса, находя им «живые» параллели в других источниках. Таковы статьи о Созырыко – Сослане и Гумском человеке, о легендарном колесе нартских сказаний, использованные нами в главах данной работы, а также статьи о «Цырых», о шапке-невидимке и о волшебном зубе Аркыза, которым нарт Хамыц очаровывал женщин. В статьях Алборова немало недоказуемых, порой фантастических построений и утверждений, но это были интересные поиски следов истории в фольклоре.²² Новый этап в исследовании проблемы историзма нартского эпоса связан с именем выдающегося ученого-филолога и языковеда В.И. Абаева (1900-2001). Его работы, отличавшиеся обширной эрудицией, глубиной и мастерством

²⁰ Кубалов, А. З. К вопросу о происхождении нартовских песен / А. З. Кубалов // ИОНИК. – 1925. – Вып.1. – С. 372-382.

²¹ Рклицкий, М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях / М. В. Рклицкий. – Владикавказ : Растдзинад, 1927. – 34 с.

²² Алборов, Б. А. «Цырых» осетинских нартских сказаний / Б. А. Алборов // ИСОННИИ. – 1960. – Т. 22., вып. 1. – С. 1-18.

Алборов, Б. А. «Зуб любви» осетинских нартских сказаний / Б. А. Алборов // УЗЮОПИ. Сер. гум. наук. – 1967. – Т. 11. – С. 262-270.

Алборов, Б. А. Шапка - невидимка осетинских нартовских сказаний // УЗЮОПИ. Сер. гум. наук. – 1967. – Т. 11. – С. 254-260.

Алборов, Б. А. Легендарное колесо нартских сказаний / Б. А. Алборов // ИСОННИИ. – 1968. – Т. 27. – С. 142-180.

анализа и синтеза источников, тщательностью и обязательной для академического ученого строгой объективностью и четкостью вывели исследование осетинского нартского эпоса на уровень достижений мировой науки. Характерно, что если для ранних публикаций В.И. Абаева присуще очень сдержанное отношение к историческому содержанию сказаний, то в последующем ученый являет стремление именно к широкому использованию не только фольклорных, но и языковых данных для познания истории осетинского народа. Изречение Якоба Гримма (1785-1863) «Наш язык есть также наша история», ставшее основой научной парадигмы В.И. Абаева, могло бы быть перефразировано как «Наш фольклор есть также наша история».

Здесь нет возможности и необходимости рассматривать все труды В.И. Абаева, так или иначе затрагивающие проблему исторического в нартском эпосе.

Один из его основных фундаментальных трудов – монография «Осетинский язык и фольклор». В ней мы находим идеи и постулаты ученого, которых он придерживался всю жизнь. Они наполнены историей. Таков его важный вывод о том, что «Осетинский язык – это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате».²³ Двуприродность осетинского языка, обусловленная взаимодействием этнических субстрата и суперстрата, отразилась и на формировании нартского эпоса. В то же время В.И. Абаев убедительно показал, что ираноязычные предки осетин пришли на Северный Кавказ не с юга, (как казалось Б.А. Алборову), а с севера, из лесостепной области средних широт с большими реками, т.е. из северного Причерноморья. И это отражено в нартских сказаниях. По этому поводу В.И. Абаев в другой монографии «Скифо-европейские изоглоссы» отмечает, что «Осетинский нартский эпос в своей существенной части восходит к сарматской и

²³ Абаев, В. И. Осетинский язык и фольклор / В. И. Абаев. – М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 603 с.

скифской эпохе и продолжает эпическую традицию этих народов».²⁴ Те же общие проблемы нартоведения концептуального характера изложены ученым в специальной статье 1949 г.²⁵ Но особо следует назвать аргументированную и убедительную статью В.И. Абаева о сармато-боспорских отношениях в отражении нартских сказаний, написанную с привлечением исторических источников. В сказаниях проходит некий царь Кафты-Сар-Хуандон-алдар – Черноморский алдар, в переводе «Глава рыб – Владетель пролива». Автор обоснованно видит в ней царя Боспорского царства V в. до н.э., действительно контролировавшего Керченский пролив, богатый рыбой. С Кафты-Саром враждуют нарты и В.И. Абаев в них закономерно усматривает сармато-алан.²⁶ Города Боспорского царства и его центр Пантикапей подверглись длительным археологическим раскопкам, доказавшим наличие местной рыбной «промышленности».²⁷ Таким образом, значение данной статьи состоит в том, что в ней впервые, научно аргументировано было доказано, что осетинские нартские сказания содержат такую интересную историческую информацию, о которой раньше и не подозревали. Статья В.И. Абаева получила широкую известность и была дополнена статьей крупного английского историка-востоковеда В.Ф. Минорского, в которой он показал, что в хазарский период среди окружения Кагана упоминается правитель Пантикапея Балгици (по В.Ф. Минорскому «Рыбак»²⁸).

С позициями В.И. Абаева по проблеме историзма нартского эпоса сходны позиции историков Б.В. Скитского и Л.П. Семенова. Последний, в частности,

²⁴ Абаев, В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада / В. И. Абаев. – М. : Наука, 1965. – 168 с.

²⁵ Абаев, В. И. Историческое в нартском эпосе / В. И. Абаев // Нартский эпос : сб. статей. – Дзауджикау : Гос. изд. Сев.-Осет. АССР, 1949. – 80 с.

²⁶ Абаев, В. И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. В 4-х т. / В. И. Абаев. – Владикавказ : ИР, 1990.

²⁷ Гайдукевич, В. Ф. Боспорское царство / Гайдукевич В. Ф. – М.-Л : изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 624 с.

²⁸ Minorsky, V. Balgitz – «Lord of the Fishes» / V. Minorsky // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. – 1960. – Vol. 56. – P. 130-137.

обращал внимание на некоторые археолого-архитектурные памятники горной Осетии, которые местное население считало нартскими. Он же считал начало эпоса уходящим в кобанскую археологическую культуру, но конкретными артефактами он не располагал. К этой группе публикаций следует отнести и небольшую заметку Е.Г. Пчелиной о фантастических конях с рыбьим хвостом, изображенным в некоторых археологических находках.²⁹

Большой вклад в историческое нартоведение на материале осетинского варианта эпоса внес выдающийся французский ученый Жорж Дюмезиль (1898 – 1986). Как говорилось во французском некрологе, Ж. Дюмезиль «был одной из самых крупных интеллектуальных фигур нашего века». Мировую известность Ж. Дюмезилю принесли его исследования по сравнительному изучению религий и мифологий индоевропейских народов. В.И. Абаев особо выделяет созданную Ж. Дюмезилем трифункциональную теорию. Согласно этой теории у индоевропейских народов с глубокой древности определились три социальные функции: культовая, военная и хозяйственная (жрецы, воины, земледельцы и ремесленники). Эту социальную структуру Дюмезиль выявил в осетинском нартском эпосе (Алагата – жрецы, Ахсартагката – воины, Бората – хозяйственные) и блестяще обосновал в своих трудах, частично переведенных на русский язык.³⁰

Идеи и выводы Ж. Дюмезиля относительно трифункциональной общественной структуры должны использоваться исследователями соответствующих специализаций. То же можно сказать об отдельных сюжетах нартского эпоса осетин, таких как чаша Уацамонга или Нартамонга, нартских набегам – «балцах», культурах огня, солнца и другие – все это должно быть принято на вооружение современной исторической наукой, как часть ее

²⁹ Пчелина, Е. Г. Нартовский (богатырский) эпос в памятниках североосетинских могильников / Е. Г. Пчелина // Сообщения Гос. Эрмитажа. – 1945. – Вып.3. – С. 10-11.

³⁰ Дюмезиль, Ж. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
Дюмезиль, Ж. Скифы и нарты / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1990. – 231 с.

идейно-теоретического арсенала. Примечательно следующее замечание Ж. Дюмезиля о том, что «П.М. Дюваль недавно продемонстрировал, какую пользу можно извлечь из древних галльских монет для изучения кельтских мифологий».³¹ Но этот процесс познания, конечно, взаимный.

Исследования В.И. Абаева и Дюмезиля открыли широкую перспективу для дальнейшей разработки проблемы историзма нартского эпоса осетин. В 1977 г. вышла монография историка Ю.С. Гаглойти, в которой много места отведено рассмотрению этой проблемы. Ю.С. Гаглойти пришел к выводу, что «Тщательное изучение нартского эпоса с неизбежностью приводит к заключению о том, что в основе многих, может быть даже большинства сказаний о нартах, лежат какие-то исторические события из жизни народа».³² В 1980 г. появляется небольшая монография В.А. Кузнецова с предисловием В.И. Абаева. В предисловии говорится о том, что «Автор делает существенный шаг вперед в деле конкретно-исторического истолкования и географической локализации некоторых нартских сюжетов и мотивов, равно как в освещении этнических взаимоотношений, образно отраженных в сказаниях».³³ Это довольно высокая оценка классика осетиноведения и мы используем работу В.А. Кузнецова, его идеи, гипотезы выводы в своей работе, иногда дополняя их и развивая. Надо подчеркнуть, что монография В.А. Кузнецова представляет первую в историографии попытку столь широкого привлечения археологических материалов для исторической интерпретации нартских сказаний. С тех же позиций данные нартских сказаний об одежде и обуви

³¹ Дюмезиль, Ж. Симадон и его братья / Ж. Дюмезиль // Эпос и мифология осетин, и мировая культура. – Владикавказ : Ир, 2003. – 94 с.

³² Гаглойти, Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса / Ю. С. Гаглойти. – Цхинвали : Ирстон, 1977. – 205 с.

³³ Кузнецов, В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа / В. А. Кузнецов. – Орджоникидзе : Ир, 1980. – 136 с.

нартов тщательно рассмотрены в статье и монографии З.В. Доде.³⁴ В 2008 году вышла монография А.В. Дарчиева «Скифский военный культ и его следы в осетинской нартиаде». Монография посвящена изучению скифского военного культа. На основании исследования письменных, археологических, фольклорных и этнографических источников сделаны выводы о социальном оформлении данного культа, предпринята попытка реконструкции мифологических сюжетов, связанных со скифским богом войны Аресом.³⁵

Необходимо особо отметить весьма интересную и результативную монографию Ю.А. Дзицойты «Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе»³⁶. Владикавказ 1993. Это глубокое исследование исторического в эпосе убедительно показывает, что эпической страной нартов была верхнекубанская Западная Алания, границы которой соответствуют ареалу Страны нартов. Ю.А. Дзицойты делает верный вывод о центре зарождения аланского феодализма в Западной Алании и на этой основе подъема эпосотворчества при его ограниченности в Восточной Алании и здесь позиции автора представляются спорными. В целом же работа Ю.А. Дзицойты является шагом вперед в историческом нартоведении.

За последние 12 лет по проблеме историзма осетинского нартовского эпоса защищены две кандидатские диссертации. Исследование А.Е. Иванеско «Историческая информативность осетинского нартовского эпоса»³⁷ выполнено

³⁴ Доде, З. В. Средневековый костюм народов Предкавказья в контексте нартовского эпоса. // Научная мысль Кавказа, 1, Ростов, 1997, с. 49 – 57; Средневековый костюм народов Северного Кавказа : Очерки истории / З. В. Доде. – М. : Вост. лит. РАН, 2001. – 124 с.

³⁵ Дарчиев, А. В. Скифский военный культ и его следы в осетинской нартиаде / А. В. Дарчиев. – Владикавказ : СОИГСИ, 2008. – 306 с.

³⁶ Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1993

³⁷ Иванеско А.Е. «Историческая информативность осетинского нартовского эпоса. Автореферат дисс. На соискание ученой степени канд. ист. Наук. Ростов, 2000. См. так же статьи: Нартовский эпос и скифская мифо-географическая традиция. // Донская археология, 1, 1999; Образ колеса Балсага нартовских сказаний в свете осетино-пермских фольклорных параллелей // Исторические этюды: Сб. научных работ / под ред. И.М. Узнардова. Вып. 4. Ростов н/Д, 2000; Сюжет охоты Сослана на чудесного оленя и скифский религиозный праздник // Актуальные проблемы всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей / Под ред. А.А. Егорова. Ростов н/Д, 2002; Реалии воинского быта осетинских нартовских сказаний и проблема датировки ядра нартиады // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Сер. Общественные науки, 2003, №

с позиций научной академической школы, которая представлена именами В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля и других ученых. Мы принимаем основные положения и выводы А.Е. Иванеско, кроме обозначенной им хронологии формирования и развития, циклизации эпоса и, соответственно, территории (автор верхнюю дату эпоса ограничивает IV в.н.э., что спорно, он отсекает географически верхнее Прикубанье как «Страну нартов», а также горную зону Центрального Кавказа, выраженную в эпосе весьма убедительно, а это – позднее средневековье). Диссертация А.Е. Иванеско это серьезный вклад в позитивное нартоведение и шаг вперед в исследовании исторического содержания осетинской нартиады.

В 2011 г. в Северо-Осетинском госуниверситете защищена диссертация П.К. Козаева «Нартский эпос как исторический источник»³⁸. Эта работа по своим идейным и методическим установкам противоположна диссертации А.Е. Иванеско. Согласно концепции П.К. Козаева осетинский народ существует уже в эпоху бронзы, т. е. II тыс. до н.э. Хотя начало эпической нартиады и столкновение «трех родов» он относит к XXXIV в. до н.э., удревяя нижнюю дату формирования эпоса на две тысячи лет, когда народа осетин, по его же хронологии, еще не существовало.

Практическая реализация. Материалы и результаты исследования адресованы не только фольклористам-нартоведом, но и историкам Северного Кавказа. Обращается внимание соответствующих специалистов на необходимость более активного использования тех данных эпоса, которые содержат историческую информацию и могут быть использованы в качестве дополнительных источников. Эти возможности особо ценны для истории осетин – народа, в прошлом не имевшего письменности и своей летописной традиции.

2; Нартовский Сырдон – персонаж «второго плана»? // Человек «второго плана» в истории: Сб. научных работ / Под ред. Н.А. Мишикова. Вып. . Ростов н/Д, 2004

³⁸ Козаев П.К. Нартовский эпос как исторический источник. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владикавказ, 2011

В соответствии со сказанным, материалы и результаты исследования могут быть практически использованы в дальнейших разработках проблемы историзма осетинского эпоса и в исследованиях по истории Северного Кавказа и скифо-сарматского мира.

На защиту представляются следующие основные положения:

1) длительная научная дискуссия о значении осетинского нартского эпоса как ценного источника исторической информации свидетельствует о несостоятельности нигилистического отрицания этого значения, делая проблему использования эпоса в исторических реконструкциях весьма актуальной в условиях Северного Кавказа;

2) осетинский нартский эпос, восходящий по Ж. Дюмезилю, к архаичному скифскому «ядру», демонстрирует поразительную устойчивость информации не только о структуре общества нартов в I тысячелетии н.э., но и об отдельных этносах, событиях, эпизодах, исторических деятелях и эта информация подлежит тщательному учету и изучению;

3) в качестве пожелания автор выдвигает практическую задачу скорейшего издания осетинских нартских сказаний, хранящихся в записях в государственных архивах, на двух языках – осетинском и русском. Есть все основания полагать наличие в этих материалах не менее ценной исторической информации.

Апробация работы. Результаты исследования опубликованы в 3 статьях, помещенных в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ, а также в монографии, 12 статьях и тезисах.

Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры Отечественной истории СГУ, кафедры социально-гуманитарных дисциплин СОГУ. Разделы работы многократно докладывались на различных российских конференциях, в первую очередь на регулярно проводимых «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа (Нальчик, 2006; Владикавказ, 2008; Магас, 2010; Махачкала, 2012) и других (Сухум, 2006).

II. Структура исследования

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. В приложении 1 даются карты, фотографии, рисунки некоторых археологических предметов, возможно связанных с эпосом. Приложение 2 – статья о Народном художнике Осетии М. Туганове и репродукции 23 его картин, иллюстрирующих различные сюжеты нартских сказаний.

Глава I. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО СУБСТРАТА В ОТРАЖЕНИИ НАРТСКОГО ЭПОСА (ЗАГАДОЧНЫЕ КАДЗИ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ).

Крупной заслугой В.И. Абаева является обоснование и разработка концепции «двуприродного» происхождения осетин, их языка и культуры. В трудах этого ученого блестяще доказано, что ираноязычный осетинский народ, генезис которого восходит к скифо-сарматской среде, окончательно сложился в результате миксации сармато-алан с аборигенным горнокавказским населением Центрального Кавказа к концу I – началу II тыс. Концепция В.И. Абаева, основанная на языковых данных, получила поддержку на сессиях по этногенезу осетин в 1966 г. и в 2013 г. и вошла в современную теорию этноса (акад. Ю.В. Бромлей³⁹).

Версия о гетерогенном происхождении осетинского народа была встречена в Осетии с осторожным недоверием. В течение 200 лет полностью господствовала теория Я. Потоцкого – Ю. Клапрота о том, что осетины есть осколок средневекового народа алан, выживших после татаро-монгольского нашествия XIII в.. Как известно, гетерогенная концепция происхождения осетинского народа считает, что в его сложении основную роль сыграли два компонента: а) этнический субстрат – аборигенное население; б) этнический суперстрат – мигрирующее с равнины в горы ираноязычное сармато-аланское население. Смешение двух разных этносов в области языка завершается

³⁹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М. Наука, 1963

победой аланского, в материальной культуре контаминацией элементов обоих составляющих. Это положение в науке признано.

Но если об аланах создана целая литература, их этнокультурная и языковая природа достаточно ясна, то до таких знаний о кавказском субстрате еще далеко. В нартском эпосе, сложившемся в скифо-сармато-аланском мире за 2000 лет (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.), должны были отразиться взаимоотношения с соседними народами, в том числе и с кавказскими племенами, составляющими этнический субстрат. Осетинский нартский эпос может предоставить ценную информацию по этому вопросу. Поиск такого материала в эпосе являлся задачей первой главы.

В фольклоре ряда кавказских народов фигурирует народ племя каджи (осетины, ингуши, чеченцы, сваны, грузины). Каджи это мифические существа, злые, темные силы. Аналогичное понимание каджи встречаем у В.И. Абаева.⁴⁰ Но уже в 1890 г. была опубликована статья А. Грена, который считал, что кадзи – древние насельники Кавказа, приковавшие к вершине Эльбруса героя Амираана.⁴¹

К теме кадзи в 1980 г. обратился археолог В. А. Кузнецов, также считающий, что под мифической оболочкой здесь скрывается местный этнос, явно враждебный нартам и ходящий «пятками вперед» в глазах творцов эпоса. В таких сказаниях, как «Батраз и Тыхыфырт Мукара», «Как Батраз спас Сослана», «Кадзи Лже-Сатана» кадзи предстают как соседи нартов-алан, то враждующих, то общающихся с нартами. Это особая этническая группа. Её судьба отражена в сказании «Гибель кадзи»: они угоняют скот нартов и нарты, окружив селение кадзи, перебивают врагов.⁴²

Вайнахские исследователи Д.Д. Мальсагов и Х.Д. Ошаев, говоря о нарт-орстхойцах вайнахского фольклора, пишут: «При изучении этих сказаний кажется, что они отражают смутные воспоминания о некоем сильном народе,

⁴⁰ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л, 1949, с. 43-45

⁴¹ Грен А. Дэвы и каджи. Этнографическое обозрение. 1890, 1, с. 259-261

⁴² Кузнецов, В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа / В. А. Кузнецов. – Орджоникидзе : Ир, 1980. – 136 с.

проживавшем в глубокой древности в центральной части Кавказа или занявшим его. Можно предполагать, что сказания о нартах есть отголосок реальных отношений этого народа к этническим группам аборигенов Кавказа».⁴³

Мы полностью солидарны с этими выводами и считаем нужным снять вуаль с анонимных в данной цитате действующих лиц – «сильный народ» это аланы, «аборигены Кавказа» это полумифические, но реальные кадзи. К сожалению, наука пока не располагает материалами, достаточными для этноязыковой характеристики аборигенов-кадзи. Археологические материалы I тыс. до н.э. с территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа позволяют связывать аборигенное население с носителями кобанской культуры на позднем этапе её существования. Это наиболее вероятный вариант на сегодня.

Таким образом, мы присоединяемся к тем ученым, которые разделяют парадигму гетерогенного происхождения осетин с участием этнических субстрата и суперстрата и отождествляем первых с эпическими каджи и вторых с эпическими нартами-аланами. Подтверждение этих важных положений может быть полезным для решения острой проблемы происхождения современного осетинского народа.

Глава II. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО СУПЕРСТРАТА В ОТРАЖЕНИИ НАРТСКОГО ЭПОСА (СКИФО-АЛАНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ).

Изложив версию об этническом субстрате в осетинском эпосе, воплощенном в собирательном образе кадзи, мы переходим к рассмотрению проблемы этнического суперстрата, как мигрирующего этноса, расселившегося на территории с более древним субстратным населением и вступившим с этим населением в ареальные и региональные контакты. В рамках нашей темы таким суперстратом, безусловно, были создатели так называемого «основного ядра» нартского эпоса аланы, которым посвящена огромная литература и которых не

⁴³ (Очерки истории чечено-ингушской литературы, 1963, с.22).

нужно представлять. Поэтому сразу переходим к изложению нескольких конкретных сюжетов, представленных в данной главе.

Чаша Уацамонга. В «Истории» Геродота упоминается миф об упавшей с неба скифам золотой чаше, имеющей культовое назначение. Как разъяснил Жорж Дюмезиль, это одна из традиционных норм индо-иранцев: чаша символизирует их сакральные представления, проникшие в Западную Европу (чаша Грааля). В осетинском эпосе не раз фигурирует волшебная чаша Уацамонга (Нартамонга), всегда полная, и определявшая – кто из нартов на их пирах говорит правду, а кто врет. В 1957 г. В катакомбе 14 Змейского катакомбного могильника был найден уникальный бронзовый начельник в виде полуфигуры женщины с чашей в руках.⁴⁴ Мы считаем, что это есть аланская богиня с волшебной чашей Уацамонга. Если это так, осетинский эпос получает материальное подтверждение в прикладном искусстве.

Мельничный жернов. Несколько катакомб Змейского могильника имели входы, закрытые круглым мельничным жерновом (там же с.97, рис. 23). Что это означало? В этнографии осетин зафиксирован обычай класть на могилу последнего мужчины данного рода или семьи мельничный жернов и проклятье «Чтоб Ваши жернова вертелись вхолостую». Можно полагать, что между этими одновременными фактами существует диахронная генетическая связь, наблюдаемая в некоторых нартских сказаниях.

Колесо Балсага. В эпосе фигурирует Колесо Балсага: необычайное живое существо в виде колеса со спицами, принадлежащее Балсагу. У колеса есть голова. Оно борется с Сосланом, рубит ноги 12 товарищам Сослана и затем ему самому. Ж. Дюмезиль считал Колесо символом Солнца. В аланской археологической культуре с VI-VII вв. встречаются металлические амулеты колесовидной формы, видимо, это атрибуты солнечного культа алан. Интересный бронзовый амулет – колесо с 6 спицами и человеческими масками

⁴⁴ Кузнецов, В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) / В. А. Кузнецов // МАДИСО. – Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во, 1961. – Вып. I. – С. 62-135.

происходит из Кобани.⁴⁵ Это предмет, говорящий о бытовании нартских сказаний в аланском обществе в VIII-IX вв.

Нартское войско. В сказании «Последний поход Урызмага» мудрая Сатана шлет шифровку нартам, желающим помочь попавшему в плен Урызмагу: «Быки однорогие – пешее войско, быки двурогие – конница, четверорогие – кольчужники, а пятирогие – это войска, всеми видами оружия снаряженные» Это полезная информация о структуре аланского войска, никем из исследователей ранее не использованная. Сказители знали, что в структуру аланского войска входит конница и пехота, что ударной силой является конница с копьями и в кольчугах (т.н. катафрактари).

Культ оружия. В нартском эпосе ярко выступает культ оружия, характерный для общества эпохи «военной демократии» с его постоянными войнами, походами, набегами – «балсами». Наибольшей популярностью пользовался меч «фаринку», в жажде боя испускающий синее пламя (культ меча алан в IV в. описал Аммиан Марцеллин, у скифов – Геродот). В отдельном параграфе нами рассматривается технология производства оружия, в том числе стального, небесным кузнецом Курдалагоном.

Кроме того, в данной главе есть параграфы о культе коня, о нартском (аланском) кодексе чести, культе солнца, культе огня, клее «бурамаз» (рыбий клей) и некоторые детали быта, проходящие в эпосе и идентичные осетинским этнографическим реалиям. Наиболее поздними из них являются позднесредневековые святилища Реком, Мыкалгабырта и Таранджелос. Это материал от позднего этапа формирования осетинского эпоса. От мифологических архетипов скифского времени (VII-V вв. до н.э.) до XIV в н.э. – таковы границы диахронного развития эпоса о нартах и нетрудно представить, сколько исторического, подчас уникального материала отложилось в героическом эпосе за это время. В данной главе мы попытались

⁴⁵ Уварова, П. С. Могильники Северного Кавказа // П. С. Уварова // МАК. – 1900. – Т. VIII. – С. 381.

характеризовать несколько сюжетов тех сказаний, которые относятся к духовной культуре этнического суперстрата. Таковым и ведущим компонентом в этногенезе осетин, судя по нартским сказаниям, был сармато-аланский компонент.

Глава III. К ПРОБЛЕМЕ ТЕРРИТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАРТСКОГО ЭПОСА («СТРАНА НАРТОВ»).

Проблема географических знаний и представлений создателей нартского эпоса почти не изучена, что и было отмечено В.И. Абаевым: географические упоминания эпоса «не были пока предметом специального изучения».⁴⁶ Сходные оценки находим у В.Ф. Миллера⁴⁷ и И.В. Трескова⁴⁸. Самую общую схему территории формирования эпоса о нартах опубликовал В.И. Абаев – самые архаичные сказания восходят к скифо-сарматской эпохе, это степи Северного Причерноморья, Подонья, Северного Кавказа, Боспор. Более поздние сказания связаны с горными сюжетами, «отражающими горнокавказскую среду, в которой действуют нарты».⁴⁶ Ясно, что определение географической среды нартов имеет прямую связь с конкретной историей создателей эпоса. В рамках второго (по В.И. Абаеву⁴⁶) периода можно попытаться наметить границы эпической Страны нартов. До нас таких попыток не предпринимал никто. Сейчас, благодаря достижениям северокавказской археологии, такое компаративное исследование возможно, хотя бы в первом приближении. Коснемся двух интересных топонимов осетинского нартского эпоса.

Уарп. В эпосе это река, крепость («Уарп-фидар»), долина, равнина. На Уарпе живет Уарп-алдар («князь-Уарпа») и его жена Уарп-ахсин, здесь же живет бог мужчин, воинов и путников Уастырджи – прообраз св. Георгия. В

⁴⁶ Абаев, В. И. Нартовский эпос / В. И. Абаев. – Дзауджикау : Сев.-Осет. гос. изд-во, 1945. – 118 с.

⁴⁷ Миллер, В. Ф. Осетинские эпосы / В. Ф. Миллер. – М. : Имп. Моск. ун-т, 1881. – Ч. 1. – с.9

⁴⁸ Тресков, И. В. Фольклорные связи народов Северного Кавказа / И. В. Тресков. – Нальчик : Кабард.-Балкар. кн. изд., 1963. – 343 с.

«Уарп-фидар» собираются на совет небесные силы (но не на ныхас!). Можно полагать, что народная память не случайно так заметно выдвинула Уарп на передний план – в социальной жизни аланского общества Уарп играл большую роль. Какова возможная историческая интерпретация нартского топонима Уарп?

Уже в 1799 г. П.С. Паллас знал р. Уруп под древним иранским названием Уарп.⁴⁹ В 1823 г. Ю. Клапрот помещал крепость «Уарп-фидар» на р. Уруп.⁵⁰ О том же высказывался, имея в виду «Уарп-алдара» публикатор нартских текстов Г. Шанаев⁵¹. Мы признаем эти выводы единственно верными. Уарп нартских сказаний это современная р. Уруп, один из притоков р. Кубань в ее верхнем течении. В верховьях Урупа находится крупное, хорошо укрепленное рвами, валами и каменными стенами Ильичевское городище VII-XII вв., которое можно отождествить с «Уарп-фидар».

Выдающееся значение Урупа – Приурупья, вытекающее из нартских сказаний, находит объяснение в археологических материалах и работах: р. Уруп для Западной Алании была ее границей, отделявшей алан от адыгского этнического массива. Это зона постоянных этнокультурных контактов и обмена.

Крепость алдара Хыза. Фигурирует в сказании о том, как герой нартово Сослан добывает жену, красавицу Агунду. Со своей дружиной Сослан безуспешно осаждает крепость Хыз и затем берет ее хитростью. Агунда становится женой Сослана. Наряду с крепостью Хыза в некоторых сказаниях проходит равнина Хыза, где Батраз сражается с колесом Балсага. Кабардинский историк середины XIX в. Ш. Ногмов свидетельствует, что у адыгов хазары именовались «схаза» или «каза»⁵² и это будит исследовательскую мысль к

⁴⁹ Pallas, P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794 / P. S. Pallas. – Leipzig, 1799. – 525 p.

⁵⁰ Клапрот, 1823, с.197

⁵¹ Шанаев, Г. Из осетинских сказаний о нартах / Г. Шанаев // СККГ. – 1876. – Вып. IX. – С. 1-64.

⁵² Ногмов, Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Ш. Б. Ногмов. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 231 с.

поиску, так как в VIII-IX вв. аланы были военно-политическими союзниками хазар в их борьбе с арабами. В главе рассматривается в качестве дополнительных фактов топонимика верхнего Приурупья с компонентом-этнонимом «Хыз», т.е. на границе аланского и адыгского миров (всего 6 топонимов). Видимо, крепость Хыз, вошедшую в фольклор, следует искать в этом квадрате, но это — дело археологов.

Приведенные в этой главе данные нартского эпоса, пока не многочисленны, но информативны, показывают, что во второй половине I тыс. н.э. (может быть и раньше) нартский эпос широко бытовал на территории Верхнего Прикубанья к востоку от р. Уруп, на территории Западной Алании. Эта часть Алании, лежавшая между Хазарией и Византией, в отличие от Восточной Алании характеризуется специалистами (А.П. Новосельцев⁵³, А.В. Гадло⁵⁴, В.А. Кузнецов⁵⁵) как суверенное раннефеодальное государство с сильной персонифицированной властью царя, с развитой экономикой и плотными военно-политическими связями с Византийской Империей. Как известно, именно Западная Алания в начале X в. из рук византийских миссионеров приняла христианство. На Нижне-Архызском городище X-XII вв. воздвигаются три древнейших в РФ купольных храма. Предпринимаются попытки создания своей, аланской письменности. Все это говорит нам об активной культуротворческой жизни Западной Алании, ее духовной культуре. В этой социально-экономической среде высшего подъема и процветания Алании можно предполагать формирование в аланском обществе идеи о земле героев-нарттов, «Стране нарттов» в бассейне Верхней Кубани, где сложились некоторые сказания, вошедшие в структуру осетинского эпоса. Мы разделяем

⁵³ Новосельцев, А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. — М.: Наука, 1990. — 261 с.

Новосельцев, А. П. Хазария в системе международных отношений VII-IX веков / А. П. Новосельцев // ВИ. — 1987. — № 2. — С. 20-32.

⁵⁴ Гадло, А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. — Л.: Изд. ЛГУ, 1979. — 216 с.

⁵⁵ Кузнецов, В. А. Алания и Византия / В. А. Кузнецов // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. — Орджоникидзе: Б. и., 1985. — С. 37-66.

положения, изложенные в монографии Ю.А. Дзицойты «Нарты и их соседи». ⁵⁶

Глава IV. К ПРОБЛЕМЕ АЛАНО-ТЮРКСКИХ АРЕАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В V-XII вв. (ИСТОРИКО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ).

При достаточно длительных контактах соседствующих народов происходит взаимный обмен культурными ценностями, в том числе фольклорными. В результате возможно говорить о конвергентном характере такого процесса взаимообогащения. Сказанное полностью можно приложить к осетинскому нартскому эпосу. В главе I мы касались горнокавказского субстратного населения, с которым длительное время контактировали сармато-аланы. С эпохи «великого переселения народов» (Vв.) в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа господство древних иранцев сменилось господством тюркских народов, ареальные связи с ними стали преобладающими не только в фольклоре (эпос), но и в области языка, что показано в трудах В.И. Абаева. ⁵⁷ Эта проблема в ее конкретных проявлениях рассматривается в данной главе.

Агуры-огурь-болгары. В эпосе неоднократно упоминаются агуры, войска которых вторгаются в Страну нартов. Их так много, что их кони завалили своим навозом селение нартов (сказание «Айсана»). Агуры грабили все народы и этим вызвали гнев бога, превратившего агуров в саранчу. Сила агуров- врагов нартов – сомнений не вызывает. Кто такие агуры?

⁵⁶ Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ, 1993, С.278.

⁵⁷ Абаев, В. И. Из осетинского эпоса / В. И. Абаев. – М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1939. – 134 с.

Абаев, В. И. Нартовский эпос / В. И. Абаев. – Дзауджикау : Сев.-Осет. гос. изд-во, 1945. – 118 с.

Абаев, В. И. Осетинский язык и фольклор / В. И. Абаев. – М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 603 с.

Абаев, В. И. Историческое в нартском эпосе / В. И. Абаев // Нартский эпос : сб. статей. – Дзауджикау : Гос. изд. Сев.-Осет. АССР, 1949. – 80 с.

Абаев, В. И. Проблемы нартского эпоса / В. И. Абаев // Нартский эпос : материалы совещ. 19-20 окт. 1956 г. – Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд., 1957. – С. 22-36.

В письменных источниках VI в., в частности у Захария Ритора, на Кавказе и на Волге значится народ огуры, живущий в шатрах.⁵⁸ А.В. Гадло резонно отождествил их с сарагурами Предкавказья V в. (наша этимология: сар (глава) + агур = главные агуры) (ср. Саросий как «глава осов, асов»)⁵⁹ Основные сведения об истории сарагуров содержатся в «Истории хазар» М.И. Артамонова.⁶⁰ К концу VI в. сарагуры из источников исчезают, появляются тюрки-болгары. По предположению В.А. Кузнецова, в болгарях следует видеть вчерашних агуров, произошла смена этнонимов. В сказании «Танец нарттов» вождь этих нартских врагов зовется Арган. Но историческая личность Органа известна в письменных источниках, по М.И. Артамонову Органа был ханом приазовских болгар (там же, с. 162). Как видим, показания исторических письменных источников разительно соответствуют текстам нартских сказаний и еще раз убеждают в объективной ценности этих сказаний как источнике исторической информации.

Тюркская топонимика. Она интересна и информативна, но изучена очень слабо, хотя по М.М.Плисецкому, это географические «меченые атомы» времени расцвета былин. Наиболее убедительно узнаваемое понятие в эпосе – «Куми будур», Кумская степь, равнина к северу от р. Кумы. Сведения о Куми будур, по записям В.Ф. Миллера⁶¹, содержатся не только в иронских, но и в дигорских сказаниях. Мы принимаем это отождествление, так как оно убедительно.

Терк-Турк, куманы-половцы. В эпосе за понятием Терк-Турк стоит чужая, враждебная территория, своим скотом привлекательная для нартских набегов «балцев». В интерпретации В.И. Абаева «народ Терк-Турк это терские

⁵⁸ Пигулевская, Н. В. Сврийские источники по истории народов СССР / Н. В. Пигулевская. – М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 172 с.

⁵⁹ Гадло, А. В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. – Л. : Изд. ЛГУ, 1979. – 216 с.

⁶⁰ Артамонов, М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л. : Изд. Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.

⁶¹ Миллер, В. Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России / В. Ф. Миллер // ЖМНП. – 1886. – №10. – С.232-283.

тюрки». ⁶² Мы принимаем и это вполне прозрачное и логичное объяснение. Но кто такие «терские тюрки» конкретно?

Недавно В.Х. Тменов и А.В. Тменов попытались в народе Терк-Турк увидеть «притеречных туркмен», в XVI-XVIII вв. переселившихся из Средней Азии на Северный Кавказ. ⁶³ Однако построения Тменовых неприемлемы, так как эпическая характеристика народа Терк-Турк не увязывается не с народом, а с этнографической и очень поздней группой туркмен. Мы полагаем, что нартские соседи – «терские тюрки» в действительности были кочевники половцы – куманы, жившие в степях севернее Терека и Кумы в XI-XII вв. Археология полностью это подтверждает – по берегам степных речек и вдоль степных древних дорог известны многочисленные курганные могильники и столь характерные каменные изваяния – половецкие «каменные бабы». Приведенные факты свидетельствуют о вековых устойчивых ареальных и региональных контактах алан с тюркским миром юга Восточной Европы вплоть до татаро-монгольского нашествия, прервавшего эти контакты в XIII в. Здесь рассмотрены далеко не все тюркские «следы» в осетинском эпосе, их намного больше (напр. «Азны будур», «Хазми будур», «Таркская степь», «Таракай будур» и т.д., но все ли они тюркские, хотя речь идет только о степях?). Данная группа терминов нартского эпоса не поддается даже гипотетической интерпретации.

Основной вывод главы IV: тюрки оказали значительное влияние на формирование осетинского нартского эпоса, который и по этой проблеме может дать ценную информацию. Работа по этой проблеме важна не только для научного осетиноведения, но и для истории и культуры тюркоязычных народов Северного Кавказа – карачаевцев и балкарцев.

⁶² Абаев, В. И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. В 4-х т. / В. И. Абаев. – Владикавказ : ИР, 1990.

⁶³ Тменов, В. Х. О стране Терк-Турк в осетинском фольклоре. Ритмы истории // Сборник науч. трудов / В. Х. Тменов, А. В. Тменов. – Владикавказ. – 2004. – Вып. 2. – С. 265-273.

Заключение. Рассмотрев изложенные выше материалы, мы полностью разделяем вывод А.Е. Иванеско о «высокой исторической информативности нартского эпоса»⁶⁴ и призываем к дальнейшей работе по изданию текстов нартских сказаний всех народов Северного Кавказа, дальнейшей исследовательской работе над этим культурным наследием, подчеркиваем значение материалов общекавказского нартского эпоса как источника для исторического кавказоведения истории народов Северного Кавказа.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях

1. *Романова Г.Б.* Чаша Уацамонга и Колесо Балсага осетинского нартского эпоса-некоторые историко-археологические параллели. Российская Археология, № 3, 2010 с. 93-100.
2. *Романова Г.Б.* Авары VI века на Северном Кавказе и в осетинском нартском эпосе (к постановке вопроса). Научно-теоретический журнал // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 10. Пятигорск, 2011, с. 103-108.
3. *Романова Г.Б.* «Жлей бурамадз» осетинского нартского эпоса и его историко-археологические параллели. Вестник СОГУ, 2, 2014 с. 50-52.

Монография

4. *Романова Г.Б.* Нартский эпос и история осетинского народа. Проект-пресс, Владикавказ, 2014. 212 с.

Иные публикации

5. *Романова Г.Б.* Мифический василиск в Западной Алании (к вопросу о семантике изображений на «царском» мавзолее р. Кяфар). / В.А. Кузнецов В.А. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006, с. 935.

⁶⁴ Иванеско А.Е. «Историческая информативность осетинского нартского эпоса. Автореферат дисс. На соискание ученой степени канд. ист. наук. Ростов, 2000, с. 26

6. **Романова Г.Б.** Нарты и тюрки (к вопросу о конвергентном развитии эпоса). Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. Сборник статей. Москва, 2013. С. 169-181.
7. **Романова Г.Б.** Мифический вавилон в Западной Алании (к вопросу о семантике изображений на «царском» мавзолее р. Кяфар). Г.Б. Романова, В.А. Кузнецов // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов / Отв. ред.: И.М. Чеченов. Нальчик: ООО «Институт археологии Кавказа», 2006. – С. 124-125.
8. **Романова Г.Б.** Волшебные чаша Уцамонга и Колесо Балсага осетинского нартского эпоса – некоторые археологические параллели / Г.Б. Романова, В.А. Кузнецов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Тезисы докладов Международной научной конференции) / Отв. Ред М.Б. Мужухоев. – Магас; ООО «Пилигрим», 2010. - С. 307-309.
9. **Романова Г.Б.** Limes Caucasus. / Г.Б. Романова, В.А. Кузнецов // Первая Абхазская международная Археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Сухум, 2008. – С. 43-54.
10. **Романова Г.Б.** К вопросу об арабских куфических надписях из Нижнего Архыза / Г.Б. Романова // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. Ред. А.А. Туаллагов. – Владикавказ: СОИГСИ, 2008. – С. 317.
11. **Романова Г.Б.** К вопросу об арабских куфических надписях из Нижнего Архыза / Г.Б. Романова // Материалы по изучению историко-культурного

наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология, краеведение / Отв. Ред. А.Б. Белинский. – Ставрополь: Наследие, 2009. – С.383-386.

12. Романова Г.Б. М.Н. Ложкин и интерпретация церкви № 1 Ильичевского городища / Г.Б. Романова // Тезисы докладов. Вопросы истории Поурупья, вып. 1. Отрадная, 2012. с. 4-44.

13. Романова Г.Б. Клей «бурамадз» осетинского нартского эпоса и его историко-археологические реалии / Г.Б. Романова // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. / Доклад.

Романова

Отпечатано в ЗАО «Минераловодская типография»,
г. Минеральные Воды, ул. Фрунзе, 33.
ИПН 2630017600, тел. 8 (87922) 7-67-17.
Заказ № 2792. Тираж 100 экз.,